Мой собеседник, подполковник запаса, бывший комиссар гарнизона Шлиссельбургской крепости Валентин Алексеевич Марулин говорит по-военному чётко, особенно тщательно подчёркивая отдельные слова: «Это вы хорошо придумали. О нашем журнале знают немногие. А между тем, выпуск журнала в таком аду – факт незаурядный».

И вдруг я понимаю, что он плохо слышит. Беру лист бумаги и пишу первый вопрос. Марулин долго щурит ясные, такие, на первый взгляд, молодые глаза, силясь прочесть написанное. Другая догадка: комиссар почти ничего не видит. Так вот что сделали с этим высоким, широким в плечах, настоящим русским богатырём почти пятьсот дней, проведённые на Ореховом острове в прошедшую войну!

«Нас забрасывали бомбами, засыпали снарядами тяжёлой артиллерии, дробили миномётным и пулемётным огнём, – говорит Марулин, и на его лице с глубокими морщинами проскальзывает гримаса скрытой боли. – Вода вокруг нас часто буквально кипела от осколков. Рушились крепостные стены. А они были многометровой старинной кладки. Представляете, даже огромные валуны оседали; но гарнизон крепости не сдавался. Мы упорно выполняли нашу главную боевую задачу: не дать фашистам форсировать

[1] **Фрагмент из книги Т. Сталевой** «Особый витамин блокады. О книгах и книжниках блокадного Ленинграда». Тамара Владимирона Сталева (02.08.1935 – 19.10.2016), журналист, публицист, автор нескольких историко-документальных книг. Редакция благодарит Лидию Степановну Кудрявцеву, автора журнала, за переданную книгу «Особый витамин блокады...».

Неву, а также не пропустить их вглубь Ладожского озера, к знаменитой впоследствии Дороге жизни».

Гарнизон находился в невыносимых условиях. Чтобы уменьшить потери, командование приняло решение рассредоточить защитников крепости. Стрелковая рота разместилась в башнях Головина, Королевской и Флажной. Пулемётчики и миномётчики получили в своё распоряжение Надзирательский корпус. Связисты сами выкопали себе землянку у крепостной стены. Для гарнизонной кухни выбрали место в подвалах. Всё это, конечно, помогло сохранить людей. Но, загнанные в подвалы, башни, землянки, они потеряли возможность непосредственного общения подразделения с подразделением. Мало знали друг о друге, о том, чем живёт Большая земля. Необходимо было любыми способами наладить между ними связь. Марулин уже давно ломал голову над тем, как это сделать, как добиться того, чтобы заботы и радости одних стали заботами общими, чтобы имена отличившихся знала вся крепость, а суд над малодушием был коллективным.

И вот, ранней весной 1942 года к комиссару пришёл пулемётчик Тетерин. Тетерина в крепости знали все: весёлый, общительный. Частушку мог без труда сочинить, стихи придумать, даже песню сложить. Но на этот раз Тетерин был серьёзен: «Давайте выпускать рукописный журнал. Каждый месяц по номеру. Будем писать о наших лучших людях, об общих заботах крепости. Письма можно помещать, которые приходят с Большой земли, наказы родных и близких».

Предложение Тетерина Марулину понравилось: журнал – это как раз и есть то связующее звено, которого так не хватало оборонявшим «Орешек». Комиссар сделал только одно добавление: на страницах журнала обязательно давать портреты отличившихся бойцов и командиров. Ведь в крепости служит замечательный художник Степан Левченко, с искусством которого защитники «Орешка» познакомились ещё в первые месяцы осады.

Однажды Марулин вызвал своего ординарца рядового Левченко. В руках Марулин держал открытку, а рядом, прислонённый к стене, стоял большой лист чистой фанеры. Марулин протянул Левченко открытку: «Вот, из дивизии прислали… перерисовать сможешь? Приказ политотдела: уже этой ночью вывесить “наглядную агитацию” на крепостной стене».

Пока комиссар говорил, Левченко рассматривал открытку. На фоне тёмного неба – могильный холм с берёзовым крестом. На крест водружена пробитая немецкая каска. Над рисунком и под

ним – крупная надпись по-немецки: «Вот что ждёт тебя под Ленинградом!»

К вечеру плакат был готов. В ход пошла сажа из печной трубы и сухая горчица ещё из довоенного запаса морского гарнизона крепости. Кисть художник сделал из конской гривы крепостной кобылы Машки. Нашёлся и стальной трос, с помощью которого Левченко поднял свой фанерный плакат на крепостную стену.

Ранним утром, как только рассеялся осенний туман, захватчики увидели с левого берега Невы это произведение искусства. Огня не пожалели: стреляли по плакату прямо из тяжёлых пушек.

Вскоре из политотдела прислали в крепость новую открытку. На этот раз наглядная агитация, исполненная Левченко, провисела на крепостной стене целую неделю, и ни одной царапины. Не посмели оккупанты стрелять в изображение своего фюрера, хотя представлен был Гитлер в очень смешном, карикатурном виде. Неизвестно, сколько бы времени ещё радовала эта работа «ценителей искусства» на том берегу, если бы случайная мина не разнесла лист фанеры в щепки. Когда об этом сообщили художнику, он огорчился: втайне мечтал пойти на тот берег в разведку и оттуда посмотреть на «своего фюрера».

Зато другая затея Левченко вызвала немедленную реакцию гитлеровцев. Началось с того, что ранним сентябрьским утром над колокольней собора в Шлиссельбурге появился фашистский флаг. Через несколько минут артиллеристы крепости взяли его на прицел и сбили. Но защитникам «Орешка» этого показалось мало. Левченко и рядовой Кузнецов вызвались водрузить красный флаг на водонапорной башне – самой высокой точке крепости. Как ни старались фашисты, но сбить флаг не могли. Несколько дней развевался он над крепостью, пока не была стёрта с лица земли сама водонапорная башня.

Принимал участие художник и ещё в одном рискованном деле: вьюжной морозной ночью привёл в крепость по невскому льду фронтовую бригаду артистов. Понятно, что появление живых, настоящих артистов вызвало у защитников крепости особое волнение. С раннего утра те счастливчики, кто был свободен от нарядов, готовились к концерту: брились, подшивали свежие подворотнички, приводили в порядок одежду. К назначенному времени стали пробираться в Надзирательский корпус, где должен был состояться концерт. У входа комиссар Марулин и всё тот же Левченко, встречая зрителей, предупреждали: при всех обстоятельствах соблюдать тишину.

И зрители не выдержали – зааплодировали. Особенно разволновались, когда на сцену в красном концертном платье вышла певица Александра Сергеевна Корнилова. Привлечённые шумом, который без труда доходил из крепости на левый берег Невы, гитлеровцы открыли внеочередной обстрел. Концерт удалось возобновить только через двадцать минут.

А вечером Левченко и Устиненков проводили гостей всё той же дорогой по невскому льду на правый берег, к своим.

Дорогу на правый берег, в расположение дивизии, художник знал хорошо. Как один из лучших лыжников крепости, он был включён в стрелковый взвод, который должен был принимать участие в лыжных соревнованиях дивизии. На тренировки спортсмены уходили из крепости ещё затемно, чтобы не быть замеченными неприятелем. По той же причине возвращались в «Орешек» только под покровом темноты. Возвращались все, кроме Левченко. Он покидал расположение дивизии сразу же после окончания тренировки, примерно за час до обеда. Надевал маскировочный халат и шёл по льду один, среди бела дня, прямо на глазах у противника. Он отлично понимал, что, если его заметят с вражеского берега, смерти не избежать. И всё-таки шёл. Шёл, чтобы к обеду выдать каждому защитнику крепости положенную норму сухарей. Ведь Левченко по совместительству был ещё и кладовщиком.

Вот такой человек, отважный разведчик, отличный снайпер, хороший лыжник и талантливый художник вошёл в редколлегию журнала, который решили назвать «Орешек». Кроме него, членами редколлегии стали лейтенант Цивилёв, замполитрука Мазаев, красноармеец Тетерин.

А через месяц первый номер «Орешка», бережно завёрнутый в бумагу, уже передавался из подразделения в подразделение.

«К выходу первого номера журнала гарнизон крепости имел за плечами солидный боевой опыт: более семи месяцев стойкой обороны, – продолжает свой рассказ Марулин. – Вот почему именно в этом номере мы решили как бы подвести итоги нашей боевой жизни на Ореховом острове. О своих делах и заботах писали связисты, артиллеристы, пулемётчики.

“Пулемётчики крепости” – так называлась статья командира пулемётного взвода старшины Кондратенко. Между прочим, Кондратенко первым вошёл в крепость, под утро 7 сентября сорок первого года, когда нашему командованию было неясно, занял ли враг крепость или нет, – продолжает Марулин. – Приказ

проникнуть в крепость был получен командиром пулемётного взвода старшиной Кондратенко на рассвете. Через час шлюпки с разведчиками отчалили от берега и тотчас же были замечены гитлеровцами. Начался обстрел. Вскоре вражеская мина разбила вдребезги одну из шлюпок. Семь человек и станковый пулемёт пошли ко дну. Была разбита и вторая шлюпка. Умело маневрируя, Кондратенко подобрал двух раненых и вырвался из зоны огня.

К "Орешку" подошли без приключений, но страшила неизвестность: возможно, в крепости уже враг. Оставив основную часть бойцов для прикрытия на берегу, двенадцать смельчаков двинулись к Государевой башне. С ними было два станковых пулемёта.

Государева башня встретила мёртвой тишиной. Тишина казалась зловещей. Но всё-таки, преодолев себя, принялись за установку пулемётов. Вдруг услышали топот. Кто-то сказал: "Взвод, не менее". Залегли, приготовились к жаркому бою. Кондратенко развернул пулемёт в тот самый момент, когда из кустов выбежала... лошадь. Да, да, самая обыкновенная лошадь. Видимо, она принадлежала хозяйству ладожской флотилии, в ведении которой до войны находилась крепость.

Но старшина Кондратенко не только первым вошёл в крепость, но и в службе был первым. Его портрет занял почётное место в журнале. Также, как и портрет ефрейтора Устиненкова, связного, почтальона, снайпера и разведчика. История, которая с ним произошла летом сорок второго года, удивила даже самых бывалых.

Как-то Устиненков вместе с двумя другими товарищами возвращался с правого берега в крепость. Шлюпка была загружена продуктами и почтой. Только успел отчалить, как длинная очередь прошила лодку. Устиненков, выпрыгивая последним и зацепившись ремнём за уключину, перевернул шлюпку, на время оказавшись под ней. Гитлеровцы решили, видимо, что с отрядом покончено и оставили его в покое.

А тем временем, вынырнув из-под лодки и умело направляя её, Устиненков, пользуясь течением, подобрался к большому камню. Плечом прижал шлюпку к камню, свободной рукой скинул сапоги, через плечо повесил полевую сумку с почтой и документами и снова стал грести к правому берегу.

Не один час продолжалась эта борьба за жизнь, прежде чем ефрейтора прибило к спасительной береговой кромке. Но и это

ещё не означало, что он остался жив: до прибрежной траншеи три десятка метров, и пройти их нужно было по минному полю. Боец медленно полз в сторону траншеи, часто надолго замирая, чтобы у вражеских наблюдателей сложилось впечатление, будто это мертвец, прибитый к берегу».

Так были спасены документы и почта.

Солдатская почта – весточки из дома от родных, друзей, знакомых. Как ждали эти письма! С каким нетерпением раскрывали любовно сложенные треугольники! С какой жадностью пробегали строчки, написанные дорогой рукой! Но как часто вместо радостных вестей они приносили горе и отчаяние. Кто виноват? Лютый враг.

27 июля 1942 года – самый страшный день осады. За два дня до этого события фашисты подкатили к своему переднему краю радиопередвижку и без устали призывали защитников крепости прекратить «бессмысленное сопротивление», обещая всем сдавшимся в плен сохранить жизнь.

Через сорок с лишним лет после этого кошмарного дня Марулин без запинки называет врезавшиеся в память цифры. В течение шести часов непрерывного обстрела захватчики выпустили по крепости 248 тяжёлых снарядов и тысячу мин и снарядов среднего калибра. Но память комиссара хранит и другое. Он с уверенностью говорит: «Трусов не было».

«Понятно, что такое напряжение изматывало защитников крепости, – вспоминает Марулин. – Чем же мы снимали отрицательные эмоции, тем самым укрепляя боевой дух? Спортом. К спортивным занятиям приохотил гарнизон “Орешка” ещё в самые первые месяцы осады комендант капитан Стулов.

До войны имя Стулова не раз гремело на всеармейских соревнованиях по лёгкой атлетике. Не изменил он «королеве спорта» и в аду крепости. Приказал соорудить турник, установить штурмовую полосу. Силой своей комендантской власти обязал всех выходить на ежедневную физзарядку, которую проводил сам. Приказ есть приказ. В первый день не вышли, а выползли: полуголодные, уставшие от постоянного грохота, вспышек огня, пожаров. Но правофланговым стоял сам комиссар Марулин, и к нему пристроились остальные...

Этот эпизод нашёл отражение в журнале «Орешек», где было записано, что уже через неделю упорной физической подготовки стала исчезать с лиц защитников крепости та предательская бледность, которая приходит с большим истощением физиче-

ских и моральных сил. Потом распрямились плечи, окрепли руки. Люди подтянулись и повеселели. Жалели только об одном: против копоти и грязи физическая подготовка бессильна. Кто-то предложил: давайте устроим баню.

Старшина Белов, которому была поручена эта операция, нашёл подходящее помещение: здание бывшей пекарни с большой, вместительной печью. Идея была проста – затопить печь, раскалить в ней камни и бросить их в бочки с водой. В два часа ночи походная баня была готова принять бойцов. И тут чуть было вся затея не провалилась – нет тазов. Вдруг Белова осенило: надо приспособить под тазы цинковые коробки, в которых доставлялись в крепость патроны.

Оказалось, что после бани и воюется лучше. А что если дать солдату не только баню, но и настоящий отдых?

И вот уже на втором этаже четвёртого корпуса комната отдыха принимает первых посетителей. На целых пять дней освобождены солдаты и от караульной службы на постах, и от занятий. Только в случае особых обстоятельств они занимали свои места на огневых точках. А так «отдыхающим» предписан сон, чтение книг и журналов, игра в шашки, шахматы, домино.

Казалось, такая короткая передышка – всего пять дней. А сколько сил вливалось в людей, как укреплялся их дух, как удесятерялось желание победить проклятого врага, который испытывал и испытывал гарнизон на прочность.

Этот и многие другие эпизоды из жизни защитников крепости нашли своё отражение на страницах издававшегося в одном экземпляре журнала.

Сегодня все десять номеров уникального журнала «Орешек» хранятся в фондах Музея истории Ленинграда.

Продолжение следует